

И.Н. МАКСИМОВА

(МАОУ СОШ №4 с углубленным изучением отдельных предметов,

г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'23+81'373.21

ББК Ш100.4

ИЗУЧЕНИЕ ОЙКОНИМОВ УРАЛА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья содержит описание психолингвистического эксперимента по выявлению восприятия ойконимов Урала современными диалектоносителями. Автором предложен один из возможных вариантов воссоздания фрагментов региональной языковой картины мира посредством анализа топонимической системы.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, топоним, ойконим, топонимическая языковая картина мира, ментально-топонимические стереотипы.

До недавнего времени в лингвистике для изучения топонимов в основном применялся так называемый онтологический подход. При этом материалом исследования служили «исключительно массивы онимов, взятые сами по себе, вне их соотносительности с языковым узусом носителя» [Бельшева, Матюхина, Рут 1999: 25]. На самом деле, как верно отмечают Н.Д. Голев и Л.М. Дмитриева, «и возникновение, и само существование, и развитие топонимической системы не осуществляются без опосредования сознания» [Голев, Дмитриева 2008: 6]. Поэтому в последние десятилетия актуальным становятся антропоцентрический и психолингвистический подходы к языку и речи, в частности, к такому явлению, как ономастикон. Данное направление представлено в трудах Е.Л. Березович, Н.Д. Голева, М.В. Голомидовой, Л.М. Дмитриевой, И.С. Карабулатовой, М.Э. Рут и др.

При помощи психолингвистических методов исследования выясняется, какое отражение находят наименования географических объектов в сознании носителей языка. Изучение топонимии региона в психолингвистическом аспекте, предполагая взаимодействие языка и индивида, выявляет характер восприя-

тия топонимической подсистемы как части языковой картины мира, связанной с членением окружающего «ландшафта», выделением в нем отдельных объектов в связи с их практической и концептуальной значимостью для носителя определенной лингвокультуры.

Настоящая статья представляет результаты психолингвистического анализа восприятия ойконимов Урала современными диалектоносителями. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Нижнесергинского района Свердловской области и пограничной с ним территории. Интерпретации подвергались вербальные реакции на ойконимы, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, а также записанные со слов жителей указанного региона «пояснения» ойконимических номинаций, устанавливающие их связь с историей возникновения или с конкретными свойствами объекта.

Гипотеза эксперимента основывалась на том предположении, что для современных носителей языка топоним во многом является немотивированным номинативным знаком, выполняющим свою главную функцию – фиксацию объекта в пространстве. В выдвижении данной гипотезы мы опираемся на исследования М.Э. Рут, которая, сопоставляя функционирование трех классов собственных имен – астронимов, антропонимов и топонимов, отмечает, что последние «в наибольшей степени склонны к превращению в условные номинативные знаки». По ее мнению, эта тенденция объясняется рядом факторов: «довольно ощутимой изменчивостью очертаний земельных угодий и береговых линий озер, тенденцией к закреплению имени владельца в названии земельных участков и потребностью выразить в названии существенные для землепользования признаки» [Рут 2008: 111].

Основываясь на нашем материале, считаем возможным выделить еще некоторые факторы, способствующие превращению топонимов в условные номинативные знаки. Во-первых, это изменение природной среды региона – обмеление и исчезновение ручьев и небольших рек, уменьшение численности животных и растений. Например, в окрестностях деревни *Ольховка*, полу-

чившей название от одноименного оронима, где произрастало большое количество ольхи, в настоящее время данный вид дерева встречается редко, в основном по берегам рек. На территории, окружающей поселок *Рябчиково*, птица рябчик практически не водится. Возле деревни *Черемша* когда-то существовали заросли дикого чеснока, теперь данное растение произрастает в небольших количествах. Во-вторых, обозначенное выше языковое явление объясняет и такой факт, как изменения социально-экономической жизни района – сокращение объемов производства, а в некоторых местах и исчезновение таких отраслей, как производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, лесозаготовка. К примеру, поташные заводы, давшие название селу *Поташка*, существовали до начала XX века. В окрестностях деревни *Овиновка* давно не занимаются постройкой овинов.

Таким образом, все перечисленные выше факторы способствуют забвению внутренней формы топонима и могут являться причиной «народной» (ложной) этимологии. Это делает актуальным обращение к экспериментальной верификации восприятия ойконимов на основе показаний языкового сознания жителей соответствующего региона. В нашем случае респондентами выступили жители населенных пунктов Нижнесергинского района Свердловской области и пограничной с ним территории.

В связи с тем, что аборигенами края были нерусские этносы (манси, татары, башкиры), около 30% ойконимов Нижнесергинского района имеют тюркское происхождение (данный факт учитывался при отборе стимульного материала для применения процедуры свободного ассоциирования), одним из основополагающих факторов при формировании экспериментальной выборки стала национальная принадлежность испытуемых: в качестве респондентов выступили 13 русских и 13 представителей башкиров и татар. Также при отборе испытуемых учитывались длительность их постоянного проживания на территории Нижнесергинского района и соответственно ориентация респондентов в топонимическом пространстве, его «включенность» в топонимическую ситуацию; учитывался и возраст респондента, поскольку «картина мира как содержание действующего созна-

ния строится человеком в течение всей его жизни» [Блох 2011: 114]. При отборе материала для проведения эксперимента принимались во внимание такие факторы, как русское или иноязычное происхождение топонимов (ойконимов) и их мотивированность свойствами объектов. С учетом требования сбалансированности по определенному признаку среди набора стимульных ойконимов были примерно в равном количестве представлены мотивированные и немотивированные номинации.

При проведении свободного ассоциативного эксперимента испытуемым выдавался лист с перечнем слов-стимулов, расположенных в случайном порядке. Респонденты получали следующую инструкцию: «*Напишите первые пришедшие в голову слова на каждое из названий населенных пунктов Нижнесергинского района*».

Ассоциации, полученные на предъявленные стимулы, резко отличаются в количественном отношении (по этому признаку выделяются две группы ойконимов – с большим и значительно меньшим числом реакций в составе ассоциативного поля).

Первую группу составили всего 6 названий из 18: Михайловск, Ольховка, Рябчиково, Соколята, Солдатка, Черемша. Эти топонимические номинации имеют прозрачную внутреннюю форму, которая легко соотносится в сознании современных диалектоносителей с реалиями, окружающими их в повседневной жизни.

Ассоциативное ядро и ближнюю периферию ойконимов представленной группы составляют реакции, лексически соотносимые с внутренней формой слов-стимулов. При этом ассоциативные пары отражают парадигматические связи, в частности, родовидовые отношения, в которые испытуемые включают мотиватор ойконима: *Михайловск* – фамилия (ср. Михайлов), *Ольховка* – дерево (ср. ольха), *Рябчиково* – птица (ср. рябчик), *Соколята* – птица (ср. сокол), *Черемша* – трава, а также синонимические отношения: *Солдатка* – воин.

Следует отметить, что в данных ассоциативных полях присутствуют и слова-реакции, отражающие топонимическую принадлежность слов-стимулов: Михайловск – городок, завод, поселок; Ольховка – деревня; Рябчиково – деревня; Солдатка – го-

род, воинская часть. Однако расположены данные реакции в зоне дальней периферии ассоциативного поля.

Обратная ситуация наблюдается в группе ойконимов (в том числе нерусского происхождения), которые дали наименьшее количество реакций. В большинстве ассоциативных полей данной группы ассоциативное ядро и ближнюю периферию составляют слова, называющие тип населенного пункта: *Акбаш* – деревня; *Артя-Шигири* – деревня; *Возулка* – старая деревня; *Киргишаны* – деревня, село; *Контуганово* – деревня; *Накоряково* – деревня, село; *Новая Ельня* – деревня; *Овиновка* – старая деревня; *Перескачка* – станция, узловой перегон железной дороги; *Талица* – деревня. При этом большинство испытуемых не смогли дать вербальные ассоциации на предложенные слова-стимулы, что можно объяснить неясной внутренней формой как иноязычных названий (ойконимов тюркского происхождения и языка манси), так и слов, связанных с хозяйственными реалиями прошлого, не имеющими для современного носителя языка актуального значения. Как видим, вторая группа ойконимов, которые в качестве слов-стимулов получили в основном «нулевой» характер реагирования, включает в себя большее количество названий, чем первая группа.

Данные результаты подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что для современных диалектоносителей топоним во многом является немотивированным номинативным знаком. Таким образом, можно утверждать, что, выступая в качестве знаков-ориентиров, ойконимы чаще всего фиксируют в сознании человека лишь отражение географической действительности.

Помимо этого, результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют сделать ещё ряд важных наблюдений.

В связи с отмеченной выше тенденцией превращения ойконимов в немотивированные номинатемы для использующих географическое название диалектоносителей начальная семантика ойконима не всегда соответствует реальной. Так, если испытуемые среднего и старшего возраста объясняют происхождение топонима *Овиновка* в соответствии с известным им значением мотивирующего ойконим слова («Колхозные сушилки», «Рядом были склады-сушильни для зерновых», «Место, где су-

шили зерно»), то представители молодого поколения предлагают трактовку, основанную на ложноэтимологических ассоциациях формального типа. Ср. слова-реакции – «овин-овца»: «Место разведения овец», «Место для разведения домашнего скота».

На стимул *Вогулка* ряд испытуемых дают реакции: *вогул, вогулы народ, народность вогулы, народ, народность* – и этимологически верно объясняют происхождение ойконима: «Поселение вогулов», «Название от народов манси», «На основании названия народности», «Давно жили вогулы», «В честь вогулов, народность». Но встречается и объяснение происхождения названия, основанное на формально-фонетических связях слова-стимула и слова-реакции – «Вогулка-гулять»: «Там любят гулять рыбаки. От слова гулять», «Рыболовное место, большое скопление рыбы. Можно разгуляться».

Интересной представляется также современная народная трактовка ойконима *Соколята*. Происхождение данного названия А.К. Матвеев связывает с распространенным на Урале названием *Сокол*, которым именуются горы и скалы. По мнению ученого, данное название не имеет прямого отношения к птице сокол, а являются красивой метафорой – «гора (скала), прекрасная (величественная), словно сокол». [Матвеев 2008: 250]. Испытуемые же дают иные объяснения. При наличии таких реакций на стимул «Соколята», как «птица 16, сокол 2, птичка, птицы 1» закономерными представляются следующие трактовки происхождения ойконима: «Соколиные места», «Может, рядом живут соколы», «Водилось очень много лесных птиц», «Место, где много соколят», «Рядом были соколятники», «Возможно, там занимались разведением птиц», «Гнездовье соколов», «Много собирается соколов». Но, помимо этого, некоторые испытуемые дали следующие объяснения названия, связав его с прозвищем жителей деревни: «Называли жителей деревни “соколятами”», «Жили первопроходцы – “соколята”», «Много дружных жили людей командами. Назывались “соколята”».

Подобные примеры свидетельствуют о наличии в сознании носителей языка определенных стереотипов, которые вырабатываются «в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени на фоне рядов имен» [Голев, Дмитриева 2008: 13].

Большое значение имеют в данной ситуации и личностные знания носителя языка, которые вбирают в себя и предшествующий индивидуальный опыт личности, и ее установки и намерения, эмоции и чувства.

Стереотипы – как «ментальные основания аналогии» – играют важную роль в построении и топонимической, и диалектной языковых картин мира. Они представляют собой «изменяющийся со временем комплекс стандартов восприятия окружающей действительности» [Голев, Дмитриева 2008: 13].

С течением времени изменения претерпевает как сама топонимическая картина мира, так и ментально-топонимические стереотипы. Как показывает история заселения территории современного Нижнесергинского района, на начальном этапе формирования ойконимии региона в языковом сознании жителей преобладал антропоцентрический стереотип (стереотип принадлежности объекта определенному лицу, чаще всего основателю населенного пункта) и стереотип пространственного соположения (положение объекта близ жизненно важных географических реалий – рек, озер, гор). Так, например, появились ойконимы *Акбаш*, *Аракаево*, *Шокурово* (от имени основателя) и *Атиг*, *Верхние* и *Нижние Серги*, *Верхний* и *Малый Ут*, *Уфа-Шигири* (от названий рек).

Впоследствии, после вторичного заселения региона на укрепленных за переселенцами участках и при активном освоении окружающего пространства обживающимися на новом месте людьми, на первый план выдвигается стереотип отражения внутренней структуры, в котором основное внимание уделяется бытийной ценности объекта. Возникают названия, связанные с характером окружающей местности (*Березовка*, *Ключевая*, *Осиногорка*, *Сосновый бор*, *Черемша* и др.) и хозяйственной деятельностью местных жителей (*Овиновка*, *Пчелиный*, *Плотиновские печи*, *Поташка*, *Хомутовка* и др.). Хотя и антропоцентрический стереотип в это время не теряет своей актуальности: ряд населенных пунктов именуется по фамилиям русских переселенцев – *Бажуково*, *Зуевка*, *Киселевка*, *Сажино* и др.

Все вышесказанное еще раз убеждает в том, что анализ топонимической системы дает возможность проследить влияние

исторических, природных и социальных условий на формирование как ментально-топонимических стереотипов, так и топонимической языковой картины в целом. Топонимическая языковая картина мира, являясь территориальным вариантом национальной языковой картины мира, отражает особенности восприятия, мировидения, мироощущения диалектного социума определенной территории.

ЛИТЕРАТУРА

Бельшиева С.В., Матюхина А.С., Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999.

Блох М.Я. Язык и мир // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4 (60).

Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург, 2008.

Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М., 2008.

© Максимова И.Н., 2013